

В результате такой политики окатоличивания ряды реформистов пошатнулись и начали редеть. Виленский синод ещё в 1612 г. отметил ликвидацию многих общин. К середине XVII в. многие представители магнатских родов перешли в католичество: Юрий Олелькович Слуцкий, Лев Сапега, Иван Глебович, Тышкевичи, Радзивиллы и др. Простые шляхтичи вынуждены были переходить в католичество из-за агрессивной политики окатоличивания. С нач. XVII в. количество приверженцев протестантизма резко сокращается, на начало XX в. на белорусских территориях насчитывалось порядка 72 тыс. членов евангельско-аугсбургского (лютеранство) и евангельско-реформированного костелов (кальвинизм) [6, с. 46].

Дальнейшее развитие протестантизма в конце XVII–XIX вв. замедляется и в течение двух веков практически не развивается. Кальвинизм и лютеранство, оставаясь основными протестантскими конфессиями, к XIX в. теряют свое влияние. На основе идей Реформации и протестантского вероучения сформировались позднепротестантские деноминации евангельских христиан-баптистов, христиан веры евангельской, адвентистов и др., которые в конце XIX в. – в начале XX в. появляются на белорусских землях.

1. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. – Минск, 1972. – Т 1.

2. *Мартос, А.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / *А. Мартос.* – Минск, 1990.

3. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / рэдкал. *М. Касцюк* (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 1. – 560 с.

4. *Саракавік, Ш. А.* Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветных цывілізацый / *Ш. А. Саракавік.* – 2-е выданне. – Минск, 2009. – 546 с.

5. *Цярохін, С. Ф.* Многія прыйдуць пад імем маім: Езуіты на Беларусі / *С.Ф. Цярохін.* – Мінск : Полымя, 1995. – 143 с.

6. *Alabrudzińska, E.* Kościoły ewangelickie na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej / *E. Alabrudzińska.* – Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Kopernika, 1999. – 272 s.

Lisouskaya Tatsiana. Protestantism on Belarusian lands in the 16th-19th centuries: common features

The article presents the doctrinal principles of Protestantism, reflects the main points of the spread of Protestantism on Belarusian lands in the XVI - XIX centuries. The author notes the specificity of religious processes: their Western European identity in the XVI-XVII, and the change in the course of religious processes from the end of XVIII in connection with the entry into the Russian Empire.

УДК 94(438) “1918–1939”

Малыхина Л. Ю.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ОБЛАСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследуется конфессиональная политика во Второй Речи Посполитой, направленная на установление правового статуса христианских церквей в 1918–1939 гг. Сделан вывод, что конституционное закрепление приоритета Польской Римско-католической церкви, высокая степень её внутрицерковной самостоятельности по конкордату 1925 г., поддержка со стороны правительства определяли характер межрелигиозного взаимодействия. Такие направления конфессиональной политики, как ревизия, религиозное образование, внедрение среди православного населения «восточных окраин» идей неонуниатства проводились в контексте полонизации и окатоличивания. Определение правового статуса Православной церкви в Польше приняло затяжной характер.

Ключевые слова: конфессиональная политика, Римско-католическая церковь, Польская Автокефальная Православная церковь, Министерство вероисповеданий и народного просвещения Второй Речи Посполитой.

Изучение конфессиональной политики во II Речи Посполитой (1918–1939 гг.) в основном сосредоточено на рассмотрении таких аспектов, как: 1) участие Римско-католической церкви в возрождении независимости польского государства; 2) правовое и организационное положение церквей; 3) взаимодействие с епархиями и приходским духовенством; 4) контроль над деятельностью религиозных организаций и церковной прессы. Опубликовано большое количество научных работ, посвященных организационным структурам и духовенству отдельных конфессий. Однако такие проблемы, как юридические основания деятельности религиозных организаций, этапы правового регулирования свободы вероисповедания, взаимодействие христианских конфессий между собой и с государством по-прежнему нуждаются в осмыслении. В статье уточняются полномочия и организационная структура Православной и Католической церквей, проводится сравнительный анализ правового регулирования в их отношении.

Огромное значение в деле возрождения независимой государственности польского народа имело сохранение духовно-культурного достояния нации. Не случайно уже 4 февраля 1918 г. в Государственный совет (Rada Stanu) Королевства Польша, состоящий из 110 членов, вошли 9 представителей от духовенства. Депутаты-священнослужители активно включались в обсуждение вопросов, имеющих первостепенное значение для жизни церкви и нации, участвовали в подготовке проекта конституции. Одновременно с процессом укрепления основ польской государственности происходила реорганизация административных структур, уточнялся правовой статус Римско-католической церкви и других конфессий.

Степень эффективности конфессиональной политики во многом зависела от создания благоприятных условий для сосуществования религиозных структур в рамках одного государства. Одним из механизмов для налаживания конструктивного диалога между церковью и государством, регулирования текущих вопросов, связанных с взаимоотношениями государства и религиозных меньшинств, а также вопросов межконфессионального взаимодействия стало созданное в 1918 г. Министерство вероисповеданий и народного просвещения Второй Речи Посполитой (Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego II Rzeczypospolitej). Широкий спектр деятельности министерства охватывал культуру, образование, науку и воспитание. Религиозными вопросами занимался Отдел конфессий (Departament Wyznań). Прообраз этой организации – «комиссия вероисповеданий и просвещения» – был создан на землях Королевства Польского ещё в 1825 г., чтобы заботиться о неучтённом на этой территории православном населении [1, с. 902]. Объединение полномочий министра в сфере образования и религии подчёркивало клерикальный характер власти, хотя нормы светского государства предполагали разграничение церковной и светской юрисдикции. Важно понимать, что, не нарушая внутренние компетенции Римско-католической церкви в Польше, министерство, если и не выступало от её лица, то во многом согласовывало свои действия с нею. В первую очередь – в области религиозного образования.

Включение в состав II Речи Посполитой в 1921 г. западной части белорусских и украинских земель, Виленского края вызвало необходимость в корректировке основных направлений конфессиональной политики, уточнении правового статуса и полномочий альтернативных католической церкви религиозных организаций. Регулирование межрелигиозных отношений между католиками и представителями других христианских конфессий – «восточной», православной, униатской

и протестантских церквей, было направлено не на сохранение существующего баланса, а на расширение влияния традиционной среди титульной нации Римско-католической церкви. То есть государство вступило на путь преференциально-гарантийного характера правового регулирования деятельности церкви, что выразилось в законодательной регламентации деятельности религиозных общин, провозглашении гарантий её осуществления исходя из принципа преференций (от лат. *praefereantia* – «предпочтений») прогосударственной Церкви.

Несмотря на захвативший страны евро-американской цивилизации процесс секуляризации, конституции польского государства в межвоенный период так и не утвердили принципы светского государства. По сути, уже в ст. 110–120 «Закона от 17 марта 1921 г.» вместе с изменениями, внесёнными законом от 2 августа 1926 г., был оговорен политико-правовой статус Польской республики как клерикального государства. Не утверждая единую государственную религию из-за множества национальных и религиозных меньшинств, эта польская конституция закрепила тем не менее политическое доминирование католицизма – «религии преобладающего большинства народа», которая «занимала в государстве первое место среди равноправных вероисповеданий». Римско-католическая церковь управлялась по собственным законам и её взаимоотношения с государством строились на основе конкордата с Ватиканом, который должен был ратифицировать Сейм (ст. 114) [2].

Конституция гарантировала каждому гражданину признание веры, утверждала, что реализация принципа религиозной свободы не должна противоречить законам, что никто не может быть принужден к участию в религиозных обрядах. Церкви и религиозные общины получили право на создание «благотворительных, религиозных и общественных организаций, школ и других образовательных учреждений» (ст. 110) [2].

Взаимоотношения государства и других церквей устанавливались законодательным путём на основе предварительного соглашения с их законными представителями (ст. 115). Ст. 116 не воспрещала исповедание новой или ранее не признанной законом религии.

Ст. 120 закона ввела обязательное религиозное образование в школах («для всех учеников обучение религии обязательно» [2]), что было реализовано в форме религиозной дисциплины в объёме 2-х часов в неделю под надзором церковных и школьных властей. Поскольку за военное время религиозно-нравственное состояние населения пошатнулось вследствие отсутствия соответствующего просвещения, по распоряжению министерства от 2 ноября 1924 г. изучение основ католицизма вводилось в качестве обязательного предмета во всех школах страны [3], в то время как преподавание дисциплин других конфессий было запрещено или встречало препятствия.

Как видим, в конституции 1921 г. II Речи Посполитой произошёл возврат к преференциально-гарантийному этапу в правовом регулировании деятельности религиозных конфессий.

Правовое регулирование Католической церкви.

Помимо конституционного закона, основным нормативным актом, регулирующим дела Католической церкви, стал конкордат между II Польской Республикой и Святым Престолом. Переговоры по его содержанию начались в 1921 г., подписание состоялось 10 февраля 1925 г., ратифицирование Сеймом большинством в 70 голосов – 26 марта этого же года [4, с. 23].

Конкордат из 27 статей гарантировал свободу Церкви и верующих, оговаривал вопросы религиозного образования в начальной и средней школах, назначение епископов, создание семинарий, присутствие постоянного нунция в Варшаве, который также представлял интересы Святого престола в Гданьске. Благодаря этому одному из самых благоприятных для Ватикана соглашения Римско-Католическая церковь была относительно самостоятельна в решении внутрицерковных вопросов.

Конференция католических епископов (Konferencja Episkopatu Polski) как постоянный орган для координации деятельности церкви на данной территории включала духовенство Варшавской, Гнезненской, Краковской, Виленской епархий, Львовской митрополии, а также Львовской армяно-католической архиепархии.

Под влиянием Папы Римского территориальное деление Католической церкви в Польше пережило существенные изменения. Преобразования были крайне важны, обусловлены новым административно-территориальным делением после Рижского мирного договора 1921 г. и присоединением города Вильно и Виленского края в феврале 1922 г. Так, некоторые религиозно-административные единицы Римско-католической церкви на территории Украины, Литвы и Беларуси, которые прежде подчинялись Могилёвской католической архиепархии Российской империи, перешли в введение Польской католической церкви.

28 октября 1925 г. Виленская (Вильнюсская – по-литовски) епархия получила статус архиепархии-митрополии. Кроме 16 действующих в 1925 г. епархий были созданы новые в Ченстохове, Катовице, Пинске и Ломже, упразднена Сейнская. Все епархии, за исключением Львовской архиепархии, изменили свои границы. Самой крупной стала территория Вильнюсской архиепархии (53 960 км²), а самой маленькой – Катовицкой епархии (4 216 км²). Наибольшее количество католиков проживало в Варшавской архиепархии (1 421 136), наименьшее – в Луцкой епархии на Волини (195 109) [4, с. 25].

Взаимоотношения Католической церкви с государством, несмотря на несколько громких скандалов с отдельными епископами, в целом были хорошими. Святой Престол через своих нунциев выполнял не только дипломатические функции, но и активно участвовал в жизни церкви. Особенно плодотворными взаимоотношения Ватикана с правительством Второй Речи Посполитой были установлены при таких апостольских нунциях, как архиепископ Лоренцо Лаури (1921–1927 гг.) и архиепископ Франческо Мармаджи (1928–1935 гг.). Успешно разрешил «Вавельский конфликт» между правительством и митрополитом Краковским Сапегой по вопросу о захоронении Юзефа Пилсудского нунций в Польше Филиппо Кортези (1936–1947 гг.) [5].

Таким образом, согласно положению ст. 114 польской Конституции 1921 г. правовое регулирование деятельности католического Костёла было увязано с международным соглашением – конкордатом – со Святым Престолом в Ватикане. Католическая церковь как религиозная организация обладала преференциями: беспрепятственно осуществляла свою деятельность, выполняла отдельные функции государственных органов. Религиозные и гражданско-правовые правомочия католиков реализовывались в полном объёме.

Правовое регулирование Православной церкви.

Второй по количеству верующих во II Речи Посполитой являлась Православная Церковь. В 1918–1921 гг. она насчитывала более 4 млн. верующих в 7 епархиях [1, с. 904]. Во время Первой мировой войны на брошенных православными беженцами восточных окраинах Польши приходская жизнь почти замерла. Среди действующих остались только два епископа – Виленский Тихон (Беллавин) – будущий Московский патриарх и Кременецкий Дионисий (Валединский) – будущий Варшавский митрополит и первый председатель автокефальной Польской церкви.

Православие было постоянным элементом конфессиональной структуры Речи Посполитой, а в восточных регионах – доминирующим вероисповеданием среди белорусского и украинского населения. До выяснения границ юрисдикции епархий Русской Православной Церкви, оказавшихся на территории Речи Посполитой, они были присоединены к Варшавской митрополии и должны были следовать «Временным правилам об отношении правительства к Православной Церкви в Польше» (январь 1922 г.) [6, л. 6–9]. Правила, составленные от имени министра

вероисповеданий и народного просвещения, предусматривали возможность широкого вмешательства государства в вопросы церковной жизни, долгое время противоречили конституционным нормам и ограничивали деятельность православных и униатских приходов. Документ провозглашал высшей церковной властью Собор, состоящий из епископов под предводительством Экзарха.

Для уточнения правового статуса, организации церковно-общественных органов и приходов в августе 1921 г. планировалось провести Съезд представителей православных приходов в Польше, но он не состоялся. Одним из противников созыва выступил епископ Дионисий.

Польский церковный Собор с участием епископов отошедших к Польше православных епархий (1922 г.), вопреки воле Патриарха Тихона, принял конкордат с правительством Польши, а епископ Дионисий (Валединский) был назначен правящим архиереем Волынской епархии с возведением в сан архиепископа Волынского и Кременецкого. После трагической кончины митрополита Варшавского Георгия (Ярошевского), архиепископ Дионисий 27 февраля 1923 г. был избран митрополитом Варшавским и Волынским и «всех Православных Церквей» в Польше, а также священноархимандритом Свято-Успенской Почаевской лавры. Избрание митрополита Дионисия Первоиерархом Польской Православной Церкви было утверждено Константинопольским Патриархом, который 13 марта 1923 г. сообщил, что он «препровождает ему все отличия, своевременно присвоенные нашим Братом Тихоном Вашему Предшественнику, как митрополиту Варшавскому и Волынскому и всей Православной Церкви в Польши».

12 апреля 1924 г. после совещания православных епископов в Варшаве Церковь перешла на Григорианский календарь. От имени польского правительства всем уездным старостам, войтам, полицейским комендатурам и т. п. был разослан циркуляр, который гласил: «Согласно с рескриптом Министерства Исповеданий и Народного Просвещения, от 30.05.1924 г. № 3777, поручаю следить за тем, чтобы новое счисление времени православным населением было принято и исполняемо. О всех случаях неисполнения следует доносить соответствующему посту государственной полиции». Против введения нового стиля выступали как прихожане, так и их представители в лице депутатов Сейма, которые подготовили канонически и научно обоснованный меморандум против нового стиля.

Переговоры об автокефалии с Патриархом Московским, которые польское правительство вело с 1921 г., закончились безрезультатно. Отделение признала и даровала «Томасом» от 13 ноября 1924 г. только Константинопольская Церковь. Акт от 17 сентября 1925 г. (Варшава) официально провозгласил Польскую Автокефальную Православную церковь (ПАПЦ, польск. Polski Autokefaliczny Kościół Prawosławny). Объявление автокефалии произошло с нарушениями канонических и общеправовых норм – без согласия Русской Православной Церкви, в чьей юрисдикции изначально находились епархии, – и создало новый прецедент в церковном праве. Ситуацию оправдывали тем, что у Московского Патриарха на тот момент отсутствовала конкретная стратегия по нормализации внутренних дел в самой РПЦ, кризисом, вызванным большевистской антирелигиозной политикой.

С одной стороны, заключение церковно-государственного соглашения и отделение от РПЦ считают основными причинами ухудшения положения православных в Польше межвоенного периода. С другой, признание автокефалии нередко рассматривают как признак зрелости этой конфессии, подтверждение общности судеб у народов возрождённого государства, основание для внутренней стабилизации Православной церкви во II Речи Посполитой. Несмотря на обещание правительства, принятие автокефалии не ускорило работу над законами, определяющими правовой статус этой церкви.

После обсуждения положения Православной церкви в Польше Синод (26 ноября – 3 декабря 1925 г.) счёл необходимым обратиться к председателю Совета министров с требованием нормализовать взаимоотношения с государством. В парламент был представлен проект закона, в котором оговаривалось следующее: правовой статус Церкви; решение бюджетных вопросов, восстановление церковного имущества; регулирование количества и распределения православных приходов; ограничение административных вмешательств; утверждение уставов братств. Синод также вынужден был ввести положение о том, что католические епископы вправе устанавливать свои новые приходы там, где светские органы власти закрыли православные приходы.

1–12 января 1926 г. в Варшаве приняли меморандум в поддержку митрополита и создали петицию об ускорении урегулирования правовой ситуации вокруг Православной церкви [1, с. 541]. 9 марта 1926 г. органы церковной власти предложили собственный проект закона о правовом положении ПАПЦ в Министерство вероисповеданий и народного просвещения, однако ответа не последовало [1, с. 542]. С точки зрения приоритета государственного законодательства проект Синода для правительства оказался не приемлем. Ещё на стадии обсуждения проекта документа самого Министерства ВиНП в 1925 г. с премьер-министром В. Грабским митрополит внёс собственные поправки. В ноябре 1925 г. работа над проектом перешла к кабинету А. Скшиньского. Согласовав проект, ставший результатом компромисса, его подписали 14 апреля 1926 г., но после майского переворота Ю. Пилсудского процесс ратификации закона прервался. И 25 мая 1926 г., используя эти обстоятельства, в письме к новому правительству митрополит объявил этот проект не соответствующим его ожиданиям и предложил продолжить переговоры «на здоровых началах» [1, с. 542].

Несколько недель спустя Синод решил опубликовать собственную версию внутреннего устава Церкви. Так, 1 июля 1926 г. принимается закон «О правовом положении Польской Автокефальной Православной Церкви», состоящий из 30 статей и одного приложения. Согласно этому документу Православие в Польше объявлялось неотъемлемой частью Вселенской Православной Церкви, автокефальная форма которой не противоречила священным канонам Церкви, патриархальным и синодальным томосам 1924 г. В законе говорилось, что источниками канонического права Православной Церкви в Польше были Слово Божье, содержащееся в Священном Писании, таинствах вселенских соборов и священной традиции. Устав поддерживал синодально-консисторскую систему в каждой из пяти епархий. Духовные консистории стали центрами епархиальных правлений и духовного суда. Низшими структурами в церкви были благочиния (*decanaty*) и приходы. Устав оговорил компетенции митрополита, епископов, Синода, Собора и других церковных институтов. Были описаны способы организации религиозных братств, повышения квалификации духовенства, функционирования женских и мужских монастырей [1, с. 543]. Некоторые из положений этого синодального закона выходили за рамки общегосударственного права, что снова побудило правительство отклонить его ратификацию.

Основой для дальнейших переговоров стал министерский проект, согласованный 14 апреля 1926 г. с корректировкой тех статей, с которыми митрополит не соглашался. В поисках поддержки среди верующих в январе 1927 г. митрополит Дионисий организовал съезд представителей духовенства и мирян в Почаеве, который утвердил законопроект и устав церкви. Участники съезда 26 марта 1927 г. выпустили меморандум правительству, в котором критиковали «Временные правила...» и требовали нормализации правового положения Православной церкви в Польше.

Духовенство начало посылать подобные запросы в MWRiOP. По инициативе юрисконсульта Православной церкви в Польше Константина Николаева [7] была

обоснована позиция церкви, где указывалось на необходимость принятия новых нормативных законов. Министр экономики и труда Казимеж Свигальский согласился с тем, что правительство ещё раз пересмотрит проект Синодального закона 1926 г. и, если его отклонит, представит свой собственный вариант в 1929 г. Несмотря на обещание, до 1930 г. правительство не проявляло никакой инициативы в этом вопросе [1, с. 543]. Активность высшего духовного руководства ПАПЦ была перенаправлена на разрешение административного вопроса.

В 1924–1939 гг. в составе Польской автокефальной Православной Церкви находились епархии: Варшавско-Холмская, Виленская, Волынская, Гродненская (с 1925 г. – Гродненско-Новогрудская) и Полеская (с 1925 г. – Полесско-Пинская). В 1927 г. Синод Православной церкви подготовил проект по изменению церковной структуры, чтобы приспособить её к административному разделу в государстве. В письме в Министерство ВиНП от 20 февраля 1928 г. митрополит Дионисий обосновал необходимость объединения в рамках Волынской епархии всех поветов Волынского воеводства, в составе Полесско-Пинской епархии – поветов Полесского воеводства. Виленское архиепископство должно было включить территорию Виленского воеводства и 3-х поветов Новогрудского воеводства, Гродненская епархия включила всю территорию Белостоцкого воеводства и 4 повета Новогрудского воеводства. Без изменений в границах оставалась Варшавско-Хмельницкая епархия. Канцелярия Синода в Варшаве предоставила министерству актуальные данные о церкви по состоянию на 1927 г.: 5 епархий, 126 благочиний, 1408 приходов, 16 монастырей и 1799 священнослужителей [1, с. 544]. Постановлением Священного Синода от 2 ноября 1927 г. и рескриптом Министра вероисповеданий и народного просвещения от 19 апреля 1928 г. новое разделение Православной церкви по епархиям было узаконено.

Юридический статус Православной церкви во II Речи Посполитой был окончательно определён законами в редакции Министерства вероисповедания и народного просвещения правительства от 18 ноября 1938 г. Это: 1) Декрет Президента Республики «Об отношении Государства к Польской Автокефальной Православной Церкви» и 2) «Внутренний Статут Польской Автокефальной Православной Церкви», утверждённый Советом Министров. Эти документы полностью подчиняли церковь Министерству ВиНП. Несмотря на декларацию внутрицерковной свободы и свободы сношений с другими православными церквями, кандидатуры митрополита и епископов должны были проходить одобрение высшей правительственной властью, документы – учреждаться после согласия министра вероисповеданий, должности могли занимать только польские граждане, официальным языком должен был быть польский. Таким образом, было ограничено право самостоятельно определять свою внутреннюю структуру, иерархическое подчинение, распоряжаться своим имуществом и другие.

Идеологические принципы конфессиональной политики.

30-е гг. XX в. стали одним из самых сложных периодов в истории Польской православной церкви. Конфессиональная политика государства, которая проводилась в рамках *санации* и *полонизации*, была направлена на снижение численности православных приходов любыми способами, несмотря на то, что православие было наиболее распространённой религией на востоке страны. Даже по официальным данным переписи 1931 г., которые оспариваются в историографии Беларуси, по вероисповеданию население Польши делилось на такие группы: римокатолики – 64,76 %, православные – 11,79 %, униаты – 10,45 %, иудеи – 9,76 %, протестанты – 2,62 % и другие.

Одним из способов реконструкции религиозной системы Речи Посполитой стало возрождение на присоединённых территориях униатской церкви. На землях этнической Польши униатство давно прекратило своё существование. Так, в Холмской епархии Королевства Польского, где до 1830-х гг. уния доминировала, окончательное воссоединение с православием на основании синодального решения Русской Право-

славной Церкви от 11 мая 1875 г. завершилось созданием объединённой Холмско-Варшавской епархии. Часть бывших униатов, в основном из Седлецкой и Люблинской епархий, в 1905 г. присоединилась к Римско-Католической церкви. Поэтому возрождение униатских общин в исторической форме государственные власти в основном инициировали в южных регионах этнической Польши и на Украине, где функционирование униатских общин никогда полностью не прекращалось.

Католическая же церковь с 1924 г. проводила миссионерскую деятельность по образованию приходов «Католической церкви византийско-славянского обряда в Польше» (*Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego w Polsce*), или по-другому – неоуниатской. Эта форма так называемого «восточного обряда» подчинялась священноначалию католических епархий и была нацелена на постепенное слияние с Римско-католической церковью.

Конституция польской республики от 23 апреля 1935 г. подтвердила формальное равенство представителей разных конфессий, право граждан на политическое участие: «Ценностью усилий гражданина ради всеобщего блага и его заслуг перед ним будет измеряться его право влиять на общественные дела. Ни происхождение, ни вероисповедание, ни пол, ни национальность не могут быть основанием для ограничения этого права» (ст. 7 пп. 1–2) [8]. Заметим, что степень реализации конституционных прав и свобод зависела от субъективных границ определения «всеобщего блага». Определение стратегии в достижении всеобщего блага исходило от идеологической направленности государственной политики. А это – интеграция многонационального сообщества Речи Посполитой на основе традиционной католической религии, польского языка, культуры. Граждане нетитульной нации и религиозных меньшинств находились в неравном с католиками положении. По сути, новая государственная конституция оставила без изменений все статьи, касающиеся религии.

Выражая близкие с государственной идеологией принципы, Епископат Католической церкви Второй среди важнейших своих задач видел укрепление в обществе христианских ценностей и моральных принципов, строительство католической Польши. В обращениях и пастырских письмах епископы призывали верующих к деятельной любви к своей родине, к пробуждению духа истинного патриотизма, несовместимого с национализмом и антисемитизмом. Они призывали соблюдать закон и справедливость, предостерегали от ненависти в политических баталиях. Самыми большими угрозами католицизму в Польше считали секуляризацию, деморализацию семьи и коммунизм [4, с. 28].

Считалось, что после отрыва Польской православной церкви от РПЦ, одной из главных внутренних проблем этой конфессии является национальный вопрос. Большинство представителей высшего духовенства было русского происхождения, воспитанного в монархически-националистической идеологии, которая препятствовала пастырской деятельности в новой политической реальности. Русский язык доминировал у церковной администрации на всех уровнях: в проповедях, в преподавании религии и изданиях. В ответ на требования белорусских и украинских приходов перейти на родной язык, Архиерейский Синод принял постановление от 3 сентября 1924 г., в котором было разрешено использование белорусского, украинского, польского и чешского языков (помимо русского) в тех службах, текст которых будет представлен церковным властям. Также было дано разрешение проповедовать на языке верующих, преподавать в нем религию и вводить родной язык в семинариях [9, с. 349]. Позже церковные власти в соответствии с новыми тенденциями в национальной политике государства стремились ограничить украинское и белорусское влияние.

Государственные власти делали всё возможное, чтобы как можно скорее отделить Православие в Польше от влияния его предыдущего руководства. Комитет по национальным вопросам при Совете министров Польши принял решение о превращении ПАПЦ в «инструмент распространения польской культуры на во-

сточных землях» [10, с. 58]. В этих целях были ликвидированы православные семинарии в Вильно и Кременце, подготовка православного духовенства осуществлялась на факультете богословия Варшавского университета, в православных храмах стала распространяться практика проведения проповедей на польском языке. Под давлением властей была создана специальная комиссия по переводу литургических текстов на польский язык.

В одной из инструкций по проведению политики полонизации от 24 января 1939 г. было сказано: «Ещё нужно уделить внимание православному духовенству и его деятельности. Священники должны быть абсолютно лояльными к государству. Скрупулёзно собирать всю информацию об их нелояльном отношении к Польше... Исходя из положения о связи между понятиями польскости и католицизма, следует инициировать и активно поддерживать все действия общества и духовенства, направленные на увеличение римско-католических институтов – строительство церквей, часовен, придорожных крестов и т. д.» [11].

Чёткие правовые гарантии веротерпимости, мирного диалога конфессий могли обеспечить законы о свободе совести и религиозных организациях. Но конституционные гарантии свободы не имели никакого отражения в действующих законах. Правовой вакуум использовался властью в борьбе с неудобными религиями. Политика притеснения по отношению к представителям «некатолических» конфессий в полной мере проявилась во время проведения *ревиндикации* – «возвращения первому владельцу» – культовых сооружений и церковного имущества. В первую очередь речь шла о церквях, которые до вхождения в состав Российской империи принадлежали католической и униатской церквям, а впоследствии были преобразованы в православные храмы. Православная вера, являясь традиционной для белорусских и украинских земель до заключения Берестейской унии, тем не менее, воспринималась как церковь захватническая, учреждённая царской Россией после грабительского раздела Речи Посполитой. Проведение ревиндикации привело к массовому и не всегда обоснованному закрытию православных храмов, их разрушению или освящению в католические костёлы. У православной церкви было отнято более 400 храмов [1, с. 903]. Только в течение двух летних месяцев 1938 г. было разрушено 127 православных храмов на юго-востоке Польши! [12].

«Польское Правительство, неизменно поддерживаемое Католической церковью, а равно католическим общественным мнением страны, стремилось использовать оторванность Польского Православия от прочего православного мира в целях сугубого закрепления, путём законодательства и практики, своего преобладающего влияния во всех областях церковной жизни», – пишет А.К. Свитич, осуждая переход к автокефалии [13]. В равной степени это положение можно отнести к оценке конфессиональной политики государства в отношении Православной церкви в целом.

Таким образом, правовое регулирование религиозных организаций во Второй Речи Посполитой определялось статьями конституций 1921 г. и 1935 г., конкордатами, решениями польского правительства, в частности Министерства вероисповеданий и народного просвещения. В определённой степени стабилизации и упорядочиванию религиозной ситуации способствовали реформы в сфере административно-территориального деления. В конституциях II Речи Посполитой произошёл возврат к преференциально-гарантийному этапу в правовом регулировании деятельности религиозных организаций. Однако «Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше» (1922 г.) долгое время противоречили конституционным нормам и ограничивали деятельность православных и униатских приходов. Провозглашение автокефалии Православной церкви в Польше в 1924 г. почти ничего не изменило – определение правового статуса приняло затяжной характер. По законам 1938 г. «Об отношении Госу-

дарства к Польской Автокефальной Православной Церкви» и «Внутренний Статут Польской Автокефальной Православной Церкви» эта конфессия была поставлена в неравное по сравнению с Католической церковью материальное положение, теряла часть своей независимости.

Конституционное закрепление приоритета Польской Римско-католической церкви и высокая степень её внутрицерковной самостоятельности по конкордату 1925 г. в значительной степени повлияли на характер межрелигиозного взаимодействия между христианскими церквями. Государственные власти стремились способствовать распространению католицизма, воспринимая его как неотъемлемую часть национальной идентичности возрождённого государства. Такие направления конфессиональной политики, как ревиндикация, религиозное образование, внедрение среди православного населения «восточных окраин» идей неоуниатства проводились в контексте полонизации и окатоличивания.

1. *Mironowicz, A.* Kościół prawosławny w Polsce / *A. Mironowicz.* – Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2006. – 920 s.

2. Конституция Польши 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=742> – Дата доступа : 10.04.2019.

3. *Kolbuk, W.* Kościoły wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej 1772–1914 / *W. Kolbuk.* – Lublin : Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1992. – 617 s.

4. *Olszar, H.* Kościół w Polsce w okresie międzywojennym (1918–1939) / *H. Olszar* // Sympozjum 1(12) 2004. – S. 7–48 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sympozjum.scj.pl/plik/46eebe87-2434-e811-80b7-984be15f9d7b> – Дата доступа : 27.05.2020.

5. Будущий кардинал Адам Стефан Сапега в 1922–1923 гг. был депутатом польского Сейма, выступал противником нового конкордата в пользу полной самостоятельности РКЦ, не поддерживал конфессиональную политику правительства Речи Посполитой после переворота 1926 г.

6. Archiwum Państwowe w Lublinie. Zespół 403. Sygnatura 640. Urząd Wojewódzki Lubelski. Wydział Społeczno-Polityczny 1919–1939.

7. Константин Николаев руководил Особой комиссией по организации судебной защиты святынь и церковного имущества в период ревиндикации (См. книги «Судьбы Православия» (Белград, 1939) и «Восточный обряд» (Париж, 1950)).

8. Конституция Польской республики 1935 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=1065> – Дата доступа : 10.04.2018.

9. *Dudra, S.* Polski Autokefaliczny Kościół Prawosławny w obszarze polityki wyznaniowej oraz polityki narodowościowej Polski Ludowej i III Rzeczypospolitej / *S. Dudra.* – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2019.

10. *Шевченко, К.* «Картина варварства и глупости» : Белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг. / *К. Шевченко* // Антигитлеровская коалиция – 1939 : Формула провала. Сборник статей / Под общ. ред. *В. Ю. Крашенинниковой.* – М. : Кучково поле, 2019. – 336 с.

11. Dalsze wytyczne do akcji rewindy kacyjno-polonizacyjnej [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.cerkiew1938.pl/dlasze_wytyczne.html – Дата доступа : 02.07.2020.

12. Для увековечения памяти об этих трагических событиях в 2008 г. Люблинско-Хельмской епархией Украинской ПЦ был создан специальный сайт: www.cerkiew1938.pl.

13. *Свитич, А. К.* Православная Церковь в Польше и её автокефалия / *А. К. Свитич* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://krotov.info/history/20/1930/svitich1.html> – Дата доступа : 10.04.2018.

14. *Ihnatowicz I., Biernat, A.* Vademecum do badań nad historią XIX i XX wieku / *I. Ihnatowicz, A. Biernat.* Wzdanie drugoie poprawione. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003. – 676 s.

Malykhina L. JU. Confessional policy in the Second Polish-Lithuanian Commonwealth in the field of legal regulation

The article examines the confessional policy in the Second Polish-Lithuanian Commonwealth, aimed at establishing the legal status of Christian churches in 1918–1939. It is concluded that the constitutional consolidation of the priority of the Polish Roman Catholic Church, the high degree of its inter-church independence according to the 1925 concordat, and support from the government determined the nature of inter-religious interaction. Such areas of confessional politics as re-vindication, religious education, and the introduction of the idea of neo-oiatism among the Orthodox population in the Orthodox community were carried out in the context of the polonization and catholicization. The determination of the legal status of the Orthodox Church in Poland has become protracted.

Keywords: *confessional politics, Roman Catholic Church, Polish Autocephalous Orthodox Church, Ministry of Religions and Public Education of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth.*

УДК 94(476)

Мошук А. В.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКОГО БУНДА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматриваются вопросы изучения истории еврейских политических партий в межвоенной Польше в целом и деятельности польского Бунда в частности. Автор анализирует работы польских авторов межвоенного, советского и современного периодов. Делается попытка выделения основных направлений и принципов исследований польской исторической школы.

Вопросам изучения политического, экономического и социального положения еврейского населения (одного из наиболее многочисленного национального меньшинства во второй польской республике, а по степени участия в политической жизни общества самого активного) в указанный период, польские исследователи уделяли особое внимание. В целом, необходимо отметить, что отличительной особенностью польской историографии 1920–1930-х гг., являлось то, что в ней деятельность еврейских политических партий рассматривалась с позиций их лояльности польскому государству. В этой связи основными проблемами, которые изучались польской историографией данного периода, были вопросы политической и частично культурно-просветительской деятельности еврейских партий [19; 20; 21; 23].

В 1925 г. в Варшаве была опубликована работа польского исследователя Р. Корша «Еврейские подрывные объединения в Польше» [23]. В данной монографии автор делает попытку классификации существующих на начало 20-х гг. XX в. в Польше еврейских политических партий. Основным критерием данной классификации являлась их лояльность возрожденному польскому государству. Очевидно, что данный подход носит субъективный характер, так как на тот момент практически все еврейские политические организации в той либо иной степени находились в стадии выработки программных установок, осуществляли тактическое маневрирование на политическом поле молодого польского государства, пытаясь элементарно выжить в сложных условиях череды военных и гражданских конфликтов.

В то же время в своей работе Р. Корш большое внимание уделяет характеристике различных аспектов деятельности Бунда. Автор подробно раскрывает эволюцию программных установок и идейных основ партии в 1918–1925 гг., даёт характеристику деятельности Бунда в вопросах культуры и просвещения. Однако Р. Корш практически не затрагивает проблемы участия Бунда в профсоюзном движении.